

ЛАРЦОВЫЙ УТЁС

МАСКА АЛХИМИКА

РОМАН ВОЛЬНОВ

Эпическое фэнтези

Роман Вольнов

Ларцовый Утес. Маска Алхимика

«Автор»

2026

Вольнов Р.

Ларцовый Утес. Маска Алхимика / Р. Вольнов — «Автор», 2026

Вторая часть книги дилогии Ларцовый Утес, погружает читателя в атмосферу магического фэнтези, где реальность переплетается с волшебством, а каждый персонаж скрывает свои тайны. События второй части добавляют ряд загадок, ответы на них будут раскрываться неожиданным образом, формируя постоянную интригу сюжета, развивая как главного героя, так и его окружение

© Вольнов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дуэль алхимиков.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роман Вольнов

Ларцовый Утес. Маска Алхимика

Глава 1. Дуэль алхимиков.

Первый день на новом месте всегда запоминается волнением. Большинство так или иначе ловят себя на тревожных мыслях: одни – о соответствии внешнего вида, другие погружаются в размышления о своем месте в иерархии сложившегося общества, где, как многим может показаться, они очутились не случайно. Иные же, напротив, придерживаются идеи оставаться менее заметными, но все так или иначе задумываются над тем, как произвести максимально наилучшее впечатление, не сплеховать перед трудностями, а главное – не ударить в грязь лицом. Так устроено мышление каждого из нас, и в стрессовых ситуациях подобный подход заметнее всего.

Отведенная под занятия аудитория была сравнительно небольшого размера и ученических парт как таковых не имела. Вместо них стояли высокие столы с массивными ножками и резными лакированными элементами. Мебель со следами потертостей на углах и первыми признаками выцветания хорошо вписывалась в охваченную сонным забвением обстановку.

За большими столами обычно помещалось от двух до четырех человек, между каждым рядом столов был предусмотрен проход, где легко мог пройти один ученик, если ему не мешают на пути другие. Всего из ученических «парт» было составлено три ряда, вмещавших в себя по четыре стола, расположенных в шахматном порядке, с приготовленными на каждом из них атрибутами: маленьким котлом, горелкой, каменной ступкой и пустыми флаконами, отражавшими в гладких гранях силуэты детворы; растягивая их снизу вверх, стекляшки продолжали стоять недвижимо, рядом с другими пузырьками и баночками, до краев заполненными сушеным сырьем.

Стульев и кресел за «партами» не было, вместо них по обе стороны каждого круглого стола располагались радиусные лавки, опиравшиеся на деревянные ножки с неуклюжей, раздвоенной подошвой. Соответствуя насыщенному цвету венге, полукруглые лавки, покрытые темным лаком, лоснились от лучей солнечного света, падавших на мебель из высоких окон.

Вытянутые и узкие оконца находились по левую руку от входящих в аудиторию детей. Каменные простенки, где чаще всего густел полумрак, чередовались с залитыми светом остекленными бойницами, повторяя вечную игру света и тени в их резких переходах друг к другу.

За стенами школы, среди холмистой луговины, спускавшейся вниз к лесным уголкам, блуждали последние неприкаянные мысли о свободе, взмывавшей одинокой птицей в бескрайнюю высь и теряющейся среди бежево-алых облаков, бегущих прочь, за горизонт чужих мечтаний.

Где-то там притаились мелкие деревушки, с трудом различимые в запыленных стеклах, чья гладкая поверхность белела от протяженных следов, оставленных высохшими каплями дождя. Старинные окна, несмотря на неухоженность, дышали историей и ничуть не уступали местной мебели: такие же строгие и аккуратные, выполненные руками талантливых мастеров, они дополняли общее убранство, не споря с основной стилистикой, подчеркивая всю важность образования, идущего об руку с концентрацией и усидчивостью.

Верхушки оконных рам сужались, образуя полукруг, а стекло, разделенное пополам, наверху переходило из мелкой сетки витража в форме ромбических воздушных змеев к криволинейным, мозаичным элементам. Темные витражи чернели под самым сводом зала; утратившие легкомысленную яркость, они едва пропускали через себя дневной свет, в отличие

от прозрачных стекол, расположенных пониже витражных картин, чья блестящая поверхность наполнялась солнечной теплотой, даря лучезарные потоки «царству дремоты».

Осматриваясь по сторонам, взор невольно цепляется за стены. Их замковая суровость была укрыта ровными слоями штукатурки, небрежно выкрашенной в белый цвет, посеревшей от смога варочных котлов. Высокие потолки в учебной аудитории, достигавшие свыше четырех метров в высоту, утопали в полумраке с выныривавшими из него книжными шкафами, находившимися прямо за спинами учеников. Последним приходилось пользоваться шаткой передвижной лестницей, двигавшейся вдоль пары металлических рельс: нижней – у самого основания и верхней направляющей, идущей вдоль одинаковых шкафов. Дрожащая под ногами лестница по мере подъема добавляла острых ощущений. Шаткие ступени натужно скрипели под ученическими башмаками, предательски прогибаясь и рискуя обвалиться вниз, наказывая за неосторожные попытки достать увесистый томик алхимических исследований общей толщиной в тысячу страниц, составленного каким-нибудь Базарием Злотачинным или Лохардием Ливергосом, способным «прибить» ученика не только ударом по голове во время падения с лестницы, но и унылостью теоретической писанины.

Кабинет алхимии сложно было назвать большим: заставленный громоздкой мебелью, даже при компактном расположении столов он воспринимался тесной комнатой, лишенной роскоши свободного пространства. Вдоль зала звучал глухой стук, издаваемый обувью входящих в аудиторию учеников; он звучал всё отчетливее и торопливее, пробегая вдоль половиц паркетной доски, выложенной елочной укладкой, от самого входа в аудиторию и до профессорской трибуны, выглядевшей в разы больше и длиннее ученических столов.

За этой громадиной виднелась наполовину скрытая кафедрой доска, вся усеянная белыми «шрамами» и несмываемыми «порезами», с проглядывающими через черное покрытие вздыбившимися от сырости деревянными разрывами и сколами, но, несмотря на все изъяны, она была вполне пригодна для письма учительским мелом. Даже более того! Она была пригодна для натирания мылом! По старой памяти от юношеских забав и розыгрышей над терпеливыми наставниками.

По длине доска была примерно как учительский стол, расположенный в пяти шагах от нее, превосходя его лишь по высоте. Внизу, у подножия меловой доски, тянулась темная вагонка; ею были обшиты все стены: она поднималась от пола и заканчивалась на высоте в полметра. Отводя взоры от стен, ученический взгляд стремился ввысь, к темным сводам кабинета, где под самым потолком красовался классический и широкий по своему размеру деревянный плинтус; он, как три дорожки, переплетался в трилистники, замыкаясь над дверной коробкой кабинета и оконными рамами, увенчивая их своим узором.

Старинный интерьер довершали люстры, выкованные из меди; на их матовой поверхности проглядывался слабый, расплывчатый блеск, а цепи крепления, будучи подвешенными к потолку, держали люстры недвижимыми, точно колонны древнего античного храма, давно канувшего в Лету. Для всех люстр использовали восковые свечи, их частенько меняли, и, видно, за чистотой светильников смотрели куда внимательнее, чем за опрятностью потолка.

Круглые обширные кольца люстр, свисавшие над головой двумя парами, напоминали собой расплющенные обручи или колесо телеги без спиц. От каждого такого «колеса» в центр крепились еще четыре цепочки, их увязывали друг с другом чередой колец, нанизанных через петли на металлические крючки медного шара, подобного навершию булавы и крепко-накрепко прикрученного к потолку.

Затрагивая причудливые диковинки волшебного мира, вносившие скромную лепту разнообразия, все они были собраны по правую и левую сторону от трибуны наставника, находясь в двух выставочных витринах, за створками узких шкафчиков, чьи вычурные дверки с детализированными элементами дразнили детские взгляды резными, пузатыми котлами и возвышающейся над ними багровевшей четверкой заглавных букв.

В первом шкафу было сделано множество полок, они шли до деревянной вагонки, плотно прикрытые стеклянными створками, чья поверхность позволяла различить десятки редчайших книг в твердом переплете и сотни разных безделушек: тут вам и конский рог, тут вам и чучело жабы, и высушенная лесная бабочка, и заспиртованная змеиная голова, помещенная в стеклянную банку с мутной жижей, и многое, многое другое! Коллекция разного толку, из сырья, пригодного не только для алхимии.

Во втором шкафу, расположенном с противоположной стороны, экспозиция была интереснее. В ней была сферическая колба, большая и безвоздушная, на первый взгляд довольно увесистая; будучи шарообразной, она накрывала собой, как стеклянной крышкой, тонкое медное блюдо с ветхой бумажной наклейкой, пестревшей размашистым курсивом: «сердце морской гидры в миниатюре». При этом сердце выглядело как настоящее, разве что не билось и кровь из него не капала; оно словно было помещено в некое подобие постоянно действующего на него давления, исходящего от стеклянной поверхности и сфокусированного в центре сферического вакуума. Находясь в стерильном пространстве, сердце не подвергалось разложению, поддерживаемое низкой температурой, но не настолько, чтобы стекло покрывалось внутренней изморозью.

Другие полки были заставлены множеством мелких и больших пузырьков с экстрактами, настойками, отварами; иные из них заплесневели, другие же, напротив, были новыми и, не в пример остальным, даже не распечатанными. Рядом располагались всевозможные масла, кремы, мази, вытяжки на основе спирта, полученные из лекарственных растений и трав. На боковых стенках шкафов, подвешенными на гвоздиках, свисали несколько хрупких гербариев, запечатанных в стеклянные колбы, где виднелись множество стеблей и лепестков высушенных растений, заботливо выложенных на тиснёных золотой нитью бархатных подушечках, словно говоривших всем своим видом: «Перед вами редкий экземпляр, заслуживающий отдельного внимания».

С правой стороны, вдоль глухой стены, где не было ни дверей, ни окон, на прищипанных учеников взирали черно-белые портреты, выполненные в графической подаче. Они не двигались, как картины именитых художников-живописцев, но выглядели весьма недурно; будучи в тонких рамках, эти развешенные вразнобой умные лица неизвестных представителей Анклава, Ларцового Утеса, Магистрата будто бы переглядывались между собой и в то же время встречали учеников: кто нахально высунув язык, а другой, напротив, с сердитым и серьезным видом; иные же веселого молодецкого нрава глядели легко и непринужденно, словно обращали свои взоры в далекие дали, белевшие за окном в солнечном покое.

Аудитория была вполне себе привычной, в духе своего времени и места. Пока учителя еще не было в классе, кто-то из опоздавших детей спешил скорее войти в кабинет; одни шли быстрее, другие медлили. Часть вошедших учеников занимали пустовавшие места, весело разговаривая между собой с теми, кто пришел раньше остальных; другие сонно вращали глазами, изредка поворачивая головы в разные стороны, а некоторые и вовсе потерянно оглядывались назад, желая выбежать отсюда прочь, бросившись сломя голову куда угодно, лишь бы без оглядки, желая одного: вырваться на волю и насладиться вдоволь считанными днями уходящего лета.

Замешкавшийся мальчишка, стоявший в дверях, с грустью отметил отсутствие хорошей лаборатории. Озадаченный видом маленьких котлов, Ступкин недовольно поморщился; он мог так стоять и дальше, если бы за его спиной не прозвучало чужое недовольство.

— Так и будешь стоять столбом у самого порога?! — возмущенным тоном вымолвила незнакомая девчонка.

Мальчишка быстро опомнился. — Проходите, — пробурчал он, пропуская вперед торопливую одноклассницу. Перед Севой была худенькая, но вместе с тем интересная молодая особа; ее локоны были темно-русыми и прямыми, она не носила косы, а предпочитала прическу в

виде заплетенного на затылке длинного хвостика. На глаза незнакомки иногда спадала прядь волос, которую она частенько прятала плавными движениями, прибирая непослушные локоны за свое правое ушко.

Девичье личико было аккуратным, даже миловидным, но в то же время очень юным и далеким от расцвета взрослой красоты; ее губы пересохли, она сжимала их, изредка покусывая от легкого волнения. Присматриваясь к ее общим чертам лица, маленькому носику и дугообразным тонким бровям, Всеварий мысленно отметил:

— Торопливая незнакомка не хлопала ресницами понапрасну, она смотрела с некой преждевременной оценкой, присущей девочкам, выросшим в обеспеченной семье; ее прохладный взгляд с зачатками превосходства, мимолетный, но ощутимый, — в этих серо-зеленых глазах жила загадочная мечта, тщательно сокрытая от окружающего мира за вольготной претенциозностью и отталкивающей надменностью.

Девчушка была новенькой, даже в этом недавно сформированном классе. Она не успела с кем-либо познакомиться, а тем более подружиться. Пропустив вчерашнюю встречу наставников и учеников, у нее, вероятно, нашлись дела поважнее. Сжимая в обнимку увесистую книгу, незнакомка шла вперед шаг за шагом, ее уверенность росла соразмерно собственным амбициям; не оглядываясь назад, ученица подошла к первому ряду и заняла понравившееся место.

— Погляди, какая бойкая! — обратил внимание Фома, остановившийся близ Всевария, и, переглянувшись с ним, он весело подмигнул последнему.

— Очередная всезнайка! — тихо предположил Баринс. Повернувшись к соседнему столу лицом, мальчуган добавил: — Таких во все времена хватает с избытком! Вот увидите! — продолжил он, едва переглянувшись с Агарием и Сэндором. — Она будет тянуть руку по любому поводу!

Ухмыляясь сказанному, долговязый Фома квели покачал головой, а улыбка на его губах растянулась еще шире.

— Ставлю связку бубликов и самовар чая в придачу, новенькая сегодня отличится! — Баринс Стамлад, подогревая общий интерес к появлению загадочной незнакомки, и не думал прерывать разгар событий, даже когда соседняя группа, будучи знакомой друг с другом, заняла попарно последние ряды.

Сева и Владвек ушли в самый край, впереди них заняла место другая пара: Фома Заройкин «Огурец» и Баринс Стамлад «Барин»; чуть правее от них расположились еще двое: недотепа и скромник Агарий Крайников «Крайний», робко меркнувший на фоне нарцисса Сэндора Лангорье, любителя покрасоваться на людях.

Последний стол остался без пары, за ним расположилась неприметная девочка, уставившаяся в книгу то ли от излишнего волнения, а может, из-за собственного нежелания привлекать к себе внимание. Она временами отрывала свой умный взгляд от сжимаемого в руках учебника, чтобы чуть позже снова уставиться в него, штудирова про себя первый параграф; ей не было дела до одноклассников, казавшихся ей чужими и предсказуемыми. Девочка-брюнетка, предположительно на год-полтора старше всех присутствующих, была не расположена к дружеским беседам; находясь совершенно одна за своим столом, она отгораживалась незримой преградой из «крепостных стен», возводя их с характерным усердием.

Впереди тоже были разные группы: где-то мальчики подсаживались к девочкам, а где-то девчата шумными парами собирались в одном ряду, отчего вышло так, что первый ряд был преимущественно из девчонок, второй в подавляющем большинстве стал мальчишечьим, а третий, будучи не так густо заполненный, собрал всех оставшихся.

— Смотри, Стамлад! Проиграешь нам самовар чая с ватрушками! — горделиво заявил нарцисс Лангорье, поправляя высокий воротник своей рубашки, после чего с усмешкой оглядел пухлощекого, разгоряченного спором говоруна.

— Мы еще поглядим, чья правда возьмет! — отозвался неугомонный Баринс и нехотя добавил: — Чай не с ватрушками, а с калачами! — специально поправив Сэндора, он посмотрел на него с характерным прищуром недоверия и спешно перевел взгляд с Лангорье на раскрывшуюся за его спиной входную дверь. Заприметив вошедшего человека, лицо Барина мигом обрело сосредоточенный вид, он резко умолк, кивнув приятелям о приближении наставника.

— Наш преподаватель алхимии? — переспросил шепотом Фома, любопытно оглядывавший учителя.

— Стильный перц! — пробубнил щеголеватый Лангорье с искренним признанием в голосе и, покрывив губами, внимательно осматривал чужой наряд, безошибочно угадывая ткань, покрой и руку портного мастера.

Наставник алхимии выглядел довольно эксцентрично. Для начала, чтобы у читателя сформировался правильный образ, мне следует отметить немаловажный факт, касающийся непосредственно вышеупомянутой персоны! Наш учитель был до ужасной степени рассеянным, особенно невнимательным в отношении времени! Пренебрегая часами, когда нужно было ложиться спать или вставать, к его рассеянности легко добавлялась непунктуальность, но в одном он был мастер — а именно в алхимии. К ней наставник относился настолько серьезно, насколько ученый, любящий свое дело, готов жертвовать всем ради любимого ремесла, и касалось это не только свободного времени, личной жизни и собственного здоровья, при этом не в угоду великим свершениям либо новым открытиям, а потому что всего-навсего этот человек жил любимым делом.

Будучи невысокого роста, преподаватель был худощавого телосложения, много и часто сутулился, даже горбился, порой не замечая за собой вредной для него привычки; он словно нес на собственных плечах пудовые парные гири. Вместе с тем этот мужчина был довольно суетлив, иногда даже слишком тороплив, как сейчас; наверное, в силу постоянного запаздывания куда-либо он давно перестал замечать за собой излишнюю подвижность.

Касаясь его внешности, следует, пожалуй, начать с лица. Лицо наставника было вытянутым, с острым подбородком, выступающими вперед скулами и, в силу присущей худобы, впалыми щеками, настолько, что проглядывались легкие ямки, среди которых тянулся необычайно длинный рот с тонкими губами и нависшим над ними большим носом, легко удерживающим на переносице очки без дужек, упиравшиеся в массивный кончик, терявшийся на фоне широких ноздрей, постоянно сопевших и шмыгавших.

Глаза учителя смотрели вперед через прозрачные линзы, обрамленные золотыми ободками; в этих взорах читалось легкое волнение. Зал был заполнен новыми учениками, и наставнику предстояло со всеми познакомиться, проведя вводный урок алхимии.

Говоря кратко об остальных особенностях его внешности, сильнее всего в глаза бросались оттопыренные уши преподавателя — на фоне его редких серых волос, темневших у самых корней и торчавших из ученой головы, как иголки из подушечки для шитья, несмотря на возрастные залысины, проступившие выше лба.

Глаза наставника, взиравшие на окружающее его пространство, отразили легкую усталость и рассеянность; под его нижними веками давно темнели мешки — последствия долгих ночей без сна. Изрытый бороздами от морщинок высокий лоб учителя, вероятно, часто хмурился в поиске верных решений, пытаясь собрать воедино очередную формулу.

Цвет глаз с последнего ряда разглядеть было трудно, да и не хотелось особо. Куда больше внимания привлекал наряд преподавателя, ведь он носил довольно длинные и узкие сверху, затем расширяющиеся книзу штаны нехарактерного для его возраста припыленного фиолетового оттенка; видно, они были его любимыми, а может, и единственными брюками, так как местами они уже были заношенными, благо штанины не были в дырках. Помимо брюк, наставник был одет в одноцветную светлую рубашку и, вероятно, носил свои штаны не на ремне, а

на подтяжках, полагая, что так он выглядит солиднее, а может, ему просто надоело сверлить в ремне сто первую дырку для очередного затягивания метафорического пояса вокруг личных нужд и потребностей.

Поверх рубашки на плечах наставника красовался длинный пиджак некогда оливкового оттенка, сшитый из велюровой ткани, такой же припыленный, как учительские брюки, на которые ниспадал задний край пиджака; будучи длинным со спины, он издали походил на короткое подобие зеленого плаща, спускающегося на учительские бедра, сродни пологу мантии, игнорируемой алхимиком. На этом пиджаке не хватало одной пуговицы, а другая вот-вот готова была повиснуть на одной ниточке, но всё это, как было уже ранее замечено, не слишком волновало научного деятеля; он словно жил в своем собственном мире – мире склянок, мензурок, перегонных кубов, добавляя к этому преподавание основ алхимии для учеников начальной ступени младшего образования.

О руках алхимика стоит упомянуть подробнее. Он не был плечистым красавцем, наоборот, в его теле сохранялась некая дисгармония; заметнее всего были его тонкие, точно две жерди, руки с длинными и цепкими пальцами, запросто выбиравшими нужные флаконы, смешивая их в верной пропорции с другими составляющими. Казалось, его руки давно учли все нюансы и, соблюдая строгую рецептуру, действовали механическим образом, а ему, как усталому и задумчивому стороннему наблюдателю, оставалось лишь изредка поглядывать на прилепленный к фиалу номер с числовой или сокращенной пометкой из пары-тройки букв.

— Добрый день, ученики и ученицы! — зазвучал голос наставника, его пальцы сами сложились в некое подобие пирамидки и, прильнув друг к другу, смотрели характерным углом в сторону аудитории. Громкий и хорошо поставленный голос учителя особых претензий ни у кого не вызывал; четкая дикция, а вместе с ней безукоризненное знание собственного предмета выручало его в очередной раз. Учительская речь чем-то походила на голоса артистов-повествователей, какие обычно за кадром озвучивают последовательные события, увлеченные происходящим и заинтересованные в продолжении сюжета.

— Мое имя Аганэй Котлогрев! Я буду обучать вас на протяжении всего учебного года базовым основам алхимии! Предмет, всегда разделяющий учеников на две группы! — Аганэй, посмотрев себе под ноги, неспешно вышел из-за своей кафедры и, подойдя к первому ряду, где были девочки, наставник, смотря в детские лица, продолжал говорить: — Одних, кто будут яро презирать и ненавидеть его, и других, кто свяжут с алхимией всю свою жизнь! Алхимия не терпит полумер! Она предоставит вам выбор... надеюсь, каждый из вас сделает для себя верные выводы.

Тихо хлопнув в ладоши, наставник спешно добавил, уходя дальше от первых рядов в направлении к приготовленной для него лаборатории:

— Какие тайны изучает алхимия? Кто мне скажет? — обернувшись к детям лицом, Аганэй Котлогрев обратил пытливый взор к молчаливой аудитории.

В классе стояла гробовая тишина, никто пока не тянул руку, большинство переглядывались между собой, кто-то делал вид, что ищет определение в учебнике, создавая обманчивое ощущение кипучей деятельности. Улыбнувшись в ответ на происходящее кончиками тонких губ, наставник снисходительно оглядел аудиторию еще раз, решив приободрить присутствующих в кабинете.

— Смелее, дети! Мне известно предназначение алхимии, но вы же пришли сюда не для того, чтобы я отвечал вместо вас на заданные вопросы! — весело заметил наставник. — Может быть, вы ответите? — выбрав девочку из зала, ей оказалась та самая «всезнайка» с темнорусыми локонами, учитель терпеливо ожидал ее ответа.

Поднявшись из-за стола, ученица оживленно принялась рассказывать одно из официальных определений:

— Алхимия – наука, включающая в себя такие разделы, как травничество, делящееся на подгруппы: лекарственные и... — девочка могла бы и продолжать, но учитель прервал ее, и на миг его усталые глаза скрылись под нависшими веками; вскоре они снова открылись, и наставник добродушно объявил:

— Понимаю, вы хорошо знакомы с учебником Магистрата! Вероятно, даже читали некоторые труды просвещенных умов современности, но я хочу услышать ваш собственный ответ. Как вас по имени?

— Мира... Миранда Роу... — преодолев легкую нерешительность, представилась полным именем новенькая.

Кивнув ученице, наставник повторно обратился к ней с прежним вопрошанием, акцентируя его более адресно и точно:

— Хорошо, Миранда, какое бы вы дали определение алхимии?

Растерявшись от неожиданности, новенькая мешкала; по виду ее лица было заметно, как она перебирала в уме все возможные сравнения, пока не собрала их воедино. Опираясь на личные суждения, она наконец-то выдала ответ:

— Для меня алхимия соразмерна постоянному риску, основанному на смешении иногда несочетаемых реагентов для получения опытным путем желанного результата, способного послужить одинаковым образом как во благо, так и во вред обществу... — осмыслив сделанные выводы, девочка, быстро всё взвесив, уверенно добавила: — Хотя время первооткрывателей давно миновало, сделать новое открытие в алхимии представляется мне как нечто маловероятное!

Внимательно выслушав ученицу, наставник, похоже, был доволен ее ответом.

— Вот! Именно этим мы и будем с вами заниматься на уроках алхимии! Присаживайся, Мира...

— Вы будете пробовать сделать что-то свое, а что-то по указке, но... каждое ваше решение – оно станет для вас самих открытием. Алхимия довольно категорична в своих принципах, поэтому любая ваша неточность может вызвать бурю в стакане... или взрыв в котле!

— Во избежание травм мы для начала будем упражняться по чужим опытам, а далее уже как повезет... главное же для меня как для учителя, чтобы для вас урок алхимии не стал обыденным заучиванием скудного параграфа; наши уроки должны привести всех вас к личной импровизации!

— Вместе мы добьемся от каждого из вас приемлемого умения заменять отсутствующие под рукой реагенты смесью других, прибегая к собственной логике и находчивому уму! Поэтому занятия будут разительно отличаться от книжных пособий!

— Итак! Алхимия! — подойдя к доске, учитель, взяв мел в руку, написал на ней три буквы... С.С.В.У. — Сажай! Собирай! Вари! Употребляй! — пошутил Аганэй, между делом расшифровав аббревиатуру. Дети приободрились, заслышался тихий смех, доносившийся с последних рядов.

— Но данное правило не про нас! Первое правило алхимии – ему вас не научат в книжке! Гласит оно следующим образом: «Если ты сварил зелье, не проверяй первый результат на себе!» Вы же не обладаете врожденным иммунитетом к токсинам смертельных ядов, как драконы, в силу их особенной крови, и не наделены регенерацией, как оборотни, легко переносящие любые эффекты зелий при условии отсутствия в них частиц серебра... Впрочем, суть первого правила должна быть сразу учтена вами: если вы приготовили лекарство, отвар, настойку, вытяжку или другую какую микстуру, обязательно проверьте ее на том, кого не жалко!

— Наставник! А если проверять на оборотне?! — выкрикнул из зала Фома.

— Да хоть на волчьей бабушке, молодой человек! Лишь бы она после опытов вас не сцапала!

Среди рядов прокатился легкий и непринужденный смех. Долговязый Фома по прозвищу Огурец тоже улыбнулся.

— Оборотни сами по себе – интересный материал для испытаний. Их организм не только устойчив к влиянию отравляющих веществ из разных смесей трав и химических реагентов, но иногда выдает неожиданный результат. К примеру, то, что может легко погубить нас с вами, для волколака восстановит его силы быстрее, чем вы успеете моргнуть глазом, и вдобавок к тому может усилить звериную регенерацию...

— Мне попадались случаи, когда подобные существа, будучи серьезно изувеченными и едва живыми, получали порцию особого экстракта, разительно усиливающего скорость восстановления здоровья тяжелораненой особи. Для регенерации потребовалось меньше тридцати минут, и запертая в клетке бестия восстанавливалась до боеспособного состояния!

— А как оборотень мог всё время содержаться в клетке и не пытаться выбраться из нее? — раздался любознательный вопрос из зала.

— Мы использовали разряды тока и двойную клеть – отличный способ помешать волколаку выбраться на свободу! — наставник спокойным тоном продолжал лекцию. — Двойная клеть может сужаться до размеров первой клетки, формируя вокруг оборотня череду из стальных и серебряных прутьев решетки, поэтому зверь быстро смиряется и перестает рваться на волю. Разумеется, Барьерная клеть применяется, если не помогают разряды тока и особь ведет себя слишком агрессивно! Но что-то я отвлекся на оборотней и связанные с ними исследования, а наша цель сейчас другая!

— Сегодня вы пройдете первый урок по приготовлению двух видов настоев: первый будет срабатывать как отпугивающий, второй – как заманивающий!

— Опыты будем проводить на черных пауках... но я настоятельно рекомендую: не капайте паукам на спину эти настои!

— А почему, профессор?!

— Расскажу! Годом ранее один из детей возомнил себя самым умным и подменил часть ингредиентов. Он как раз занимал то самое место, где сейчас находитесь вы, молодой человек!

— Я... — легкое беспокойство в голосе сидевшего впереди одноклассника вывело Севария из раздумий и заставило внимательно навести уши.

— Да-да, именно вы! Ученик, о котором я начал говорить ранее, наслушался от старшекурсников сомнительной рецептуры и думал всех повеселить... но вместо радостного результата чуть не разнес аудиторию! Он капнул приготовленный настой на переднюю лапку паука и не рассчитал дозировку, вылив с испугу еще несколько капель на паучью спинку! Паук начал быстро увеличиваться в размерах, быстрее всего росла его лапа! Она пробила собой аквариум, рассыпав настил из опилок! А после и сам паук превысил размеры овчарки и попытался бежать, прыгнув на книжный шкаф, находящийся за вашими спинами!

— Дайте угадаю, наставник: кто-то убил чудовищного паука волшебным тапком?! — отшутился Фома.

— Вы, как всегда, излишне остроумны... — холодно отреагировал Аганэй, обращаясь к долговязому. — Тапком здесь и не пахло!

— Его заколдовали? А после изловили? — интерес Баринса подталкивал его к череде новых расспросов, но преподаватель, проигнорировав их, быстро сменил тему и, возвращаясь к технике безопасности, наставительным тоном повторил:

— Предупреждаю всех вас: чрезмерное любопытство очень часто приводит к дурным последствиям! Сначала мы освоим первые азы, благодаря им вы научитесь отпугивать и завлекать насекомых, пресмыкающихся, рептилий, хищные растения и прочих. На всё про всё у нас четыре урока по базовым знаниям, а далее я буду оценивать ваши умения и способности, особенно у всех желающих поступить и обучаться на факультете Разрушительной Мысли.

— Приступим! Из чего мы делаем настой для отпугивания и привлечения пауков?.. Правильно... мы будем использовать железы природных врагов пауков, а для привлечения – специальный секрет, полученный из желез самки Пагубной Вдовы. Это особый вид пауков, надеюсь, не нужно разъяснять, что самка Черной Вдовы привлекает пауков-самцов любых видов, распыскивая рядом со своим ареалом обитания особый фермент, секрецию, которая служит приманкой.

— Мы будем получать эту секрецию опытным путем, смешивая ряд элементов.

— Теперь же, что касается отпугивания! Мы также сработаем на иллюзии страха. Вы сами выбирайте, какое отпугивающее средство вам создать, будь то запах Кровохлебки с туманных болот Ветроломья или Лесного Падалыщика с окраин дремучего Чернолесья! Также для тех, кто хочет задачу потруднее, у меня есть особое поручение: вы можете попробовать приготовить отпугивающее средство, основанное на вытяжке из ядовитой железы рептилии!

— А как определить их различия?

— Первое – по цвету. Кровохлебка – темно-бордовый, Падалыщик – иссиня-черный, рептилия – болотный, оливковый, изумрудный. Далее – по консистенции. Если вы всё сделаете правильно, Кровохлебка – водянистый, Падалыщик – консистенция среднего по густоте киселя, рептилия – кашеобразный, поэтому в случае с рептилией применяется чайная ложечка сырья.

Когда дети прослушали вводную лекцию, они приступили к делу. Наставник ходил рядом, иногда делая пометки наблюдений в личном блокноте.

Взяв инициативу в свои руки, Всеварий неторопливо готовил нужное варево. Владвек между тем не вмешивался, он только поглядывал, и если Ступкину требовалась помощь, подавал ему необходимые флаконы, заполненные разным содержимым.

— Хорошо, теперь подай мне вон ту склянку...

— Какую? — уточнял Владвек; в его растерянных глазах все флаконы, стоявшие на столе, были одинаковыми и различались разве что по цвету.

— Во-о-он ту! С красной крышкой! — ответил увлеченно Всеварий.

Взяв в руку нужный фиал, Владвек, посмотрев на Севу, слегка замешкался.

— Да, именно! Он мне и нужен! — подтвердил приятель, затем, перехватив склянку из чужих рук, добавил в кипящий котел нужное количество измельченного до кристального порошка красноватого сусла.

Первое зелье «Суть Кровохлебки» было сварено.

Взяв в руки пипетку, мальчишка аккуратно впитал ею небольшую порцию, а потом капнул жидкость рядом с пауком, отчего тот мгновенно отбежал в другую сторону своего стеклянного мини-вольера. Кровохлебка, появившаяся в аквариуме, издала шипящий звук, после чего обратилась в красноватую дымку, истаяв на глазах, словно ее и не было.

— Великолепно! — похвально высказался наставник, внимательно наблюдавший за действиями Ступкина.

Это вызвало легкую тень недовольства, отразившуюся на лице Миранды. Будучи следующей в очереди, она, близко подойдя к большому аквариуму, стоявшему на учительском столе, капнула в него каплю «Сути Падалыщика». Едва зелье коснулось поверхности опилок, оно стало испаряться, превращаясь в черную мокрицу, издавшую мерзкий писк и вскоре испарившуюся в клубях сизой дымки, предварительно загнав паучка в самый дальний угол.

Девчонки дружно ликовали: первый день – и такой успех! Ведь большинство мальчишек во втором ряду выбрали первое испытание, и они готовили «Суть Кровохлебки», а она была в разы проще «Сути Падалыщика».

— Соперничество?! — обмолвился Севарий, разминая цепкие пальцы, пока другие дети показывали скромные успехи, столпившись за учительским столом и продолжая пугать подопытного паука.

Ступкин, остановившись за третьим рядом у крайнего, никем не занятого котла, стал смешивать по памяти все нужные ингредиенты. В итоге, с первого раза добившись идеального результата, мальчишка разлил в стеклянную мензурку немного кашеобразной зеленой жижи и с громкими выкриками поспешил вернуться к учительской кафедре: — Дайте дорогу! — на ходу заткнув мензурку пробкой, Севарий протиснулся в первый ряд, расталкивая столпившихся вокруг одноклассников.

— Можно поаккуратнее! — укоризненно воскликнул противный голос одной из одноклассниц. — Сейчас была наша очередь! — выпалила ее подруга.

Обернувшись к ним и обдав девчонок холодным взглядом, с уст Севария слетела пара емких фраз:

— Не сахарные, не развалитесь!

В ответ на сказанное девичьи щеки зарделись румянцем обиды; одна еще хотела высказаться на сей счет, но, насупившись, покачала головой.

Внимательно поглядев на паука через прозрачные стенки аквариума, Севарий поднял взгляд и встретился им с негласной соперницей Мирандой Роу. Пролетевшие искры сменились взаимным прищуром; устав от игры в гляделки, Ступкин приосанился, выпрямился в полный рост и, будучи над стеклянным загонем для паука, держа в руке чайную ложку, отмерил в нее положенную дозировку и лихо вылил сырье вниз. Едва приземлившись на опилки, клокочущее зелье надулось в шар, обретая форму, похожую на игуану; крупная ящерица сходу попыталась подбежать к обезумевшему от страха пауку, начавшему зарываться в опилки, лишь бы его не заметили.

Истаяв в опасной близости от подопытного, игуана мигом развеялась, оставив после себя лишь воспоминание.

Наставник несколько раз хлопнул в ладоши и небрежно поправил сползавшие по широкой переносице очки, довольный результатом негласного поединка алхимиков.

Раздосадованная Мира еще хотела высказаться на сей счет, но, быстро отойдя в сторону, направилась напрямик к другому свободному котлу, став смешивать за ним перечень ингредиентов, изредка поднимая взгляд к столпившимся вокруг кафедры одноклассникам, громко обсуждающим мастерство Всевария, обращавшего куда большее внимание на действия соперницы, чем на окружающие восторги и похвалу.

Завершив опыт, Миранда, подойдя к уже известному всем аквариуму, где дрожал бедный паучок, капнула ложку слегка светящейся темно-зеленой жижи, из которой, к общему удивлению, стала преобразовываться похожая на первую игуана, но другой расцветки. Ее продолжительность жизни оказалась чуть короче первой, не в пример прыткой резвости, но опыт подтвердил: умения Мира не уступали навыкам Ступкина.

Дети были в восторге: одни хвалили Миранду, спокойно принимавшую поздравления и отвечавшую учтивой благодарностью, другие поддерживали Всевария, не сводившего взгляда с соперницы и сдержанно благодарившего одноклассников за лестные отзывы.

— Как ваше имя? — осведомился учитель.

— Всеварий! Его зовут Всеварий Ступкин! — громогласно заявил пухлощекий Баринс, радовавшийся чужому триумфу как собственной победе. Упрямый Стамлад, долго дразнивший девчонок, без устали повторял, как игуана Севария утерла нос Миранде!

Девочки с первого ряда спорили с долговязым Фомой и напыщенным Лангорье о честности испытания, ссылаясь на правила первого выбора, которым у Севария была Кровохлебка! Но Огурец, Барин и Нарцисс отрицательно качали головами, и, казалось, спорить они могли до бесконечности — так между первым и вторым рядом накалялись страсти, пока третий ряд тихо следил за происходящим, слушая доводы обеих сторон.

— Тихо, дети! Тишина! — наставник, дождавшись всеобщего молчания, примирительно добавил: — Пускай сегодня оба наших героя получат награду, разделив первое место между собой! Я считаю такое решение справедливым!

Когда страсти улеглись, ученики и ученицы спокойно заняли свои места. Но между Севарием и Мирой с той минуты вспыхнула искра. Миранду словно задевало загадочное видение алхимии, которым обладал Ступкин, — ведь она привыкла быть первой во всех начинаниях, а сейчас перед ней был неприметный мальчишка: задумчивый, немногословный и, похоже, весьма одаренный, при этом напроць лишенный любой гордыни и надменности, холоднокровный и рассудительный. Посчитав его успех случайностью, девочка быстро успокоилась.

— Всеварий Ступкин! — после урока преподаватель окликнул ученика по имени, не забыв позвать к себе и новенькую ученицу Миру.

Одноклассники подошли к столу наставника, обдав друг друга максимально безразличным взглядом.

— Вы оба талантливые дети. Об одном хочу вас попросить: не соперничайте друг с другом, вместе вы принесете куда больше пользы, нежели порознь! А если хотите удивить друг друга или проявить себя, я буду рад пригласить вас обоих в круг алхимии. Это юношеская сборная группа, она набирается с первой по третью ступень обучения включительно из толковых и способных детей вроде вас, разумеется, если вы хотите участвовать.

— Я за! — мгновенно согласилась Миранда.

Промешкавший с ответом Всеварий, посмотрев внимательно на Роу, вскоре положительно кивнул, готовый посетить упомянутый круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.